

ФЕСТИВАЛЬ

С театром хоть в бомбоубежище

В Берлине прошел фестиваль — «Мир русского театра». В третий раз он собрал тех, кто ставит спектакли на русском языке за рубежом. Фестиваль стал коллективным портретом русскоязычного театрального искусства за пределами родины. Обозреватель «МК» **Марина Райкина** специально для «Д» из столицы Германии.

Марина Райкина

Фестиваль «Мир русского театра», созданный три года назад главным реактором журнала «Театрал» Валерием Яковым, — это культурный мост для соотечественников. В Берлин со своей театральной продукцией съехались восемь компаний — из Англии, Финляндии, Франции, Германии, Дании, Австрии и Израиля. Спектакли играли на четырех сценических площадках, разбросанных по всему городу, включая обычный школьный зал.

Надо сказать, что про русскоязычный театр за рубежом мы имеем весьма смутное представление или думаем со скепсисом: какие в Европе могут быть русские труппы, если там своих хватает? Кому они нужны и кто их содержит? Четыре фестивальных дня дали ответы.

Замечу, в соцсетях уже давно была группа «Ассоциация деятелей русских театров зарубежья». Но очно они познакомились лишь на фестивале. И если на первый МРТ, состоявшийся в 2016 году, пришло девять заявок, то на второй — организаторы получили их в три раза больше. Да и география стран-участниц расширяется: так, в следующем году готовы присоединиться коллеги из Турции и Арабских Эмиратов — там, оказывается, тоже есть наши артисты и режиссеры.

Помимо показа спектаклей, фестиваль устраивал дискуссии по проблемам русскоязычных театров. Их результаты можно проиллюстрировать знаменитой толстовской фразой про счастливые и несчастливые семьи. Все счастливые похожи меж собой: общим языком (русский), публичной (русской), репертуаром (классика в основном русская) и невозможностью жить без этой страсти — театра,

«Не боюсь Вирджинии Вульф» в израильском театре ZERO (Тель-Авив)

ставшей для русских чуть ли не национальной чертой. Ну а каждая несчастная театральная семья несчастна по-своему. Вот только степень этого «несчастья» часто зависит от страны прописки. Впрочем, «несчастья» эти легко укладываются в формулу «зритель-помещение-гранты». Скажем, ситуация со зрителем в Германии и Израиле очень схожа: поток гастролеров из России, который оттягивает на себя зрителя.

— Нам, творческим коллективам, существующим за рубежом, очень не просто, — рассказывает мне Елена Ключарева, создатель и руководитель кабаре «Лори» в Берлине (мсквичка, ее музыкальному дитячу шесть лет). — Берлин переполнен талантливыми, высокопрофессиональными артистами, получившими прекрасное образование в России, но не нашедшими здесь достойного применения. Большинство актеров моего театра — эмигранты, и все они заслуживают уважения хотя бы за то, что не пали духом, нашли себя.

— У вашего театра есть помощь от немецких фондов или властей?

— А почему немцы должны поддерживать русскую культуру? У них — своя, и это наше дело — пропагандировать и утверждать здесь традиции русского театра. Чтобы не «пропасть поодиночке», в 2009 году мы создали Союз русскоязычных театров Герма-

лине», рассчитывает только на свои силы. Он и его жена (режиссер) свою первую премьеру на немецкой земле сыграли в 2007-м, а в помещении, расположенном в западной части города, работают с 2008-го года и по сей день.

— Когда проходил перекрестный Год Россия—Германия (2013 год), МИД ФРГ оплатил нам поездку в Москву:

Они научились выживать, для чего — помимо актерского мастерства — освоили бухгалтерское дело, менеджмент

нии (СРТГ), куда вошли театры Мюнхена, Дюссельдорфа, Дрездена, Берлина, Эрлангена, Росток, Эссена...

Действительно, в Германии, пожалуй, самая большая русскоязычная театральная диаспора. Точной статистики нет, одни называют 42, другие — 65 коллективов, но у каждого свое положение и своя судьба. Илья Гордон, директор театра «Русская сцена в Бер-

гогда мы играли в Доме актера и Булгаковском доме. Да, мы подавали на гранты, но берлинские власти нам отказывают: хотя, чтобы мы играли на немецком. На днях, правда, мы выиграли районный приз за успешную интеграцию — €1000. При нашем театре работают три студии — детская, подростковая и взрослая, но деньги от них съедает аренда за помещение, из-

готовление костюмов и декораций. В ином положении другой театральный энтузиаст — Федор Невельский из Эрлангена. Он из Питера, в Германии уже 22 года, правда у него любительский театрик, где билеты не продают. Публика давно и хорошо ходит к Невельскому. Возможно, и поэтому ему помогают город и немецкие фонды.

— В Германии более 1200 любительских театров самых разных направлений, и русскоязычные наравне с немецкими также получают гранты. Федор утверждает, что, выделяя гранты, никаких условий немецкие власти не диктуют. Но если на получение грантов театры еще могут рассчитывать, то собственное помещение для них остается утопической мечтой. Тут каждый устраивается, как может: вот израильский театр ZERO Олега Радовильского в Кирьят-Оно, что под Тель-Авивом, арендует бомбоубежище, которое в мирное время приспособили под театр.

Если в Израиле у русского театра — бомбоубежище, то в Варша-

ве — костел. По словам руководителя театра «ОК» Жанны Герасимовой, католический приход, в отличие от польских официальных учреждений, открыт для русской культуры. В лучшем положении находится театр «Диалог» из Копенгагена: 20 лет он существует при русском Центре науки и культуры. Им руководит бывшая актриса «Ленкома» Татьяна Дербенёва.

— Думаю, что в «Ленкоме» у меня не было бы большой актерской судьбы, — признается она, — а в своем театре я играю то, что хочу. Сейчас, например, готовлю спектакль «Моя любовь» Антон Чехов.

Неожиданным оказалось, что русский театр на иностранной почве — это прежде всего школа выживания. Тому, кто ее прошел, похоже, ничего уже не страшно. Они научились выживать, для чего помимо актерского мастерства освоили бухгалтерское дело, менеджмент. Но прежде всего людей держит все-таки страсть к театру. Одним этим они уже счастливы.

КОНТАКТЫ

Дело сердца

Немецкую оперу на Рейне и Московскую «Геликон-оперу» связывает многолетняя творческая дружба. О сотрудничестве между двумя оперными театрами и о «русском следе» на Рейне корреспонденту «Д» **Дарье Болль-Палиевской** рассказал директор Немецкой оперы на Рейне в Дюссельдорфе и Дуйсбурге (Deutsche Oper am Rhein) Кристоф Майер.

Дарья Болль-Палиевская

— В апреле текущего года вы подписали договор о сотрудничестве с московской «Геликон-оперой». Не могли бы вы рассказать о нем подробнее?

— Наш договор о сотрудничестве приурочен к российскому культурному фестивалю «Русские сезоны», который пройдет в Германии в нынешнем году. В его рамках задуманы многочисленные выставки, фестивали и концерты. Генеральный директор — художественный руководитель «Геликон-оперы» Дмитрий Бертман и я подписали предварительное соглашение в прошлом году в Санкт-Петербурге. 26 и 27 октября «Геликон-опера» с 12 солистами, хором и оркестром приедет в Дуйсбург и Дюссельдорф на два больших гала-концерта «Из Москвы с любовью». Они исполнят арии, ансамбли и хоровые сцены Чайковского и Верди, таким образом как бы прокладывая музыкальный мостик в Россию. Будет пример... — Какой пример?

— Знаете, в нашем театре работают артисты из 38 стран. Среди них и певцы из России. И для меня лично очень важно показать, что культура не имеет границ. То, что не всегда получается на политическом уровне, прекрасно работает на уровне культурном. Это сотрудничество для меня просто дело сердца.

— В 2016 году Дмитрий Бертман поставил в Дюссельдорфе оперу «Золотой петушок». Как возник творческий союз российского режиссера и вашего театра?

— Я знаю Диму почти 20 лет. Мы несколько раз вместе были членами

жюри международного конкурса вокалистов имени Ганса Габор Бельведера. Так возникла наша дружба. В 2016 году он поставил у нас «Золотой петушок». А через год, по случаю 25-летия партнерства между Дюссельдорфом и Москвой, в Дюссельдорфском оперном театре состоялся совместный гала-концерт певцов «Геликон-оперы» и Немецкой оперы на Рейне. Я думаю, что едва ли не половиной зрителей были наши русские сограждане. Ответный визит последовал в сентябре 2018-го, когда семь исполнителей Немецкой оперы на Рейне вместе со своими российскими коллегами дали концерт в «Гели-

кон-опере» под названием «Дует двух столиц». Это был незабываемый вечер, на котором побывали мэр Дюссельдорфа Томас Гайзель и высокопоставленные московские культурные политики.

— Вы уже упоминали, что у вас работают много русских певцов. Меццо-сопрано Мария Катаева, например, настоящая звезда в Дюссельдорфе, довольно известные тенор Сергей Комов и баритон Дмитрий Варгин. Знаменитый баритон Борис Стаценко много лет был солистом Немецкой оперы на Рейне, а сейчас продолжает выступать в качестве приглашенного исполнителя.

— Это замечательные артисты! В настоящее время в нашей оперной студии восемь певцов из семи разных стран, и двое из них из России — Дарья Муромская и Мария Бойко. Когда я бываю в России, то с удовольствием прослушиваю молодых певцов. Прослушивания часто проводятся в консерваториях, и там особенно чувствуется, какое фантастическое образование получают у вас молодые таланты и какое у русских отношение к культуре. Скажу честно, сравнение с Германией иногда бывает совсем не в пользу нашей страны. Как-то я был в картинной галерее в Москве. Туда пришла мама с

маленькой дочерью, наверное, ребенку было года три-четыре. И вот эта кроха увидела портрет Пушкина, указала на него пальцем и говорит: «Мама, смотри, это Пушкин!» У русских очень трепетное отношение к своим поэтам или композиторам. На многих вокальных конкурсах, в которых принимают участие русские певцы, я чувствую, как они буквально горят ради своего дела. Это одна из причин, почему я счастлив, что в нашем ансамбле есть артисты из России.

— Если вы берете в оперную студию молодые дарования, в том числе и из России, чему вы их там учите?

— Я называю нашу оперную студию «охраняемым гнездом». Ребята могут развиваться как артистически, так и индивидуально: получают мастер-классы, языковые уроки, сценические курсы и т. д. В течение этого времени мы стараемся максимально их поддерживать и готовить к работе. Они выступают в небольших партиях, получая практический опыт на сцене. Эта программа длится два года. Некоторых выпускников мы потом берем в труппу, как, например, это произошло с Марией Катаевой. — Вы уже второй раз были членом жюри конкурса молодых оперных режиссеров «Нано-опера» в Москве, который основал Дмитрий Бертман...

— Это конкурс, где молодые режиссеры должны доказать свое сценическое мастерство «вживую» перед телекамерой, что, конечно, совсем не просто. Из 160 заявок мы выбрали 13 участников, а в финал вышли трое. Я вручил приз молодому русскому режиссеру. Для победителя это кроме прочего значит, что он может два месяца поработать помощником режиссера в Дюссельдорфе.

— В вашем репертуаре «Золотой петушок» Римского-Корсакова и «Петрушка» Игоря Стравинского. Недавно, в мае состоялась премьера «Пиковой дамы» Чайковского. Не рискуете ли вы, ставя русские оперы? Ведь немецкая публика не всегда знакома с нашей музыкой.

— Ну, каждая премьера — это риск, даже «Волшебная флейта» может провалиться. А Чайковский — это мировое музыкальное наследие и хорошо известен и любим в Германии. Наша постановка, возможно, не оправдала всех ожиданий, потому что американский режиссер Лидия Стайерс перенесла сюжет в Голливуд 50-х годов. Но это все равно был успех, в том числе и благодаря великолепным русским певцам, которые задействованы в «Пиковой даме». Мы не собираемся останавливаться в постановках великих русских шедевров.

Премьера «Пиковой дамы» в Оперном театре Дрездена